

ЦИЦЕРОН И LEX SERVILIA AGRARIA¹

В своей статье «К истории римских политических партий конца II и начала I в. до н. э.», в значительной степени подвинувшей вперед изучение этой проблемы в нашей историографии, проф. Н. А. Машкин присоединяется к распространенному мнению, что Цицерон в конце 64 и в начале 63 г. был еще популяром и лишь позже примкнул к партии оптиматов². В подтверждение этого взгляда Н. А. Машкин приводит цитату из речи Цицерона против аграрного законопроекта Сервилия Рулла, где Цицерон сам себя называет популяром, да еще «настоящим популяром». Во всей исторической литературе выступление Цицерона против законопроекта Рулла расценивается как явно дружелюбный акт по отношению к Помпею; ведь этот законопроект всеми исследователями признается попыткой «отнять у Помпея любовь народа»: Красс и Цезарь — инициаторы проекта — преследуют якобы цель уничтожить Помпея, Цицерон, добившись провала проекта, этим оказал Помпею огромную услугу³. Я не думаю сейчас подробнее останавливаться на том естественно возникающем вопросе, каким образом мог Цицерон быть популяром, если он в то же время выступил против вождей популяров — Красса и Цезаря, которые, в свою очередь, желали уничтожить другого вождя популяров — Помпея; оставим пока эту путаницу. Важно одно: если Цицерон своим выступлением против законопроекта Рулла действительно защищал интересы Помпея, то приходится присоединиться к П л у т а р х у и от души возмутиться тому, что Помпей в 59—58 гг. не защищал Цицерона, «человека, который был его другом и который, как государственный деятель, всегда действовал в его пользу» (Ропр., 46). Я попытаюсь доказать, что Цицерон в рассматриваемый период не был ни популяром, ни помпейцем.

Известно, что оптиматы никого так не ненавидели и никого так не боялись, как Помпея, после того как он вопреки их воле получил небывалые полномочия в войне с Митридатом. В противовес большинству жившего в Риме и провинциях всадничества, восторгавшегося подвигами Помпея, тот слой римского населения, который в основном существовал от непосредственной эксплуатации своих политических привилегий, т. е. кобилитет, видел в Помпее и его деятельности надвигающийся конец республики и своего могущества. Поэтому нечего удивляться тому странному энтузиазму, с которым один из вождей оптиматов Лутаций Катул призывал сенаторов искать гору, где можно было бы спасти свободу (P l u t., Ропр., 30); понятной становится и высказанная в сенате угроза другого вождя той же партии, «что Помпею, достигшему положения Ромула, придется рассчитывать на такую же кончину, как Ромулу» (P l u t., Ропр., 25).

Однако поразительно то, что такие резкие нападки свойственны только выступлениям оптиматов в с е н а т е. Когда же тем же самым лицам приходилось выступать против помпейских законопроектов в н а р о д н о м с о б р а н и и, они всячески льстили Помпею и заискивали перед ним. Тот же Лутаций Катул в народном собрании оплакивал Рим, которого не следует лишать присутствия Помпея (Cic., Pro lege Manilia, 20, 59); а Кв. Гортензий выразил мысль, что «если бы надлежало все передать одному лицу, самым достойным был бы Помпей, но все же не надо передавать всего одному человеку» (там же, 17, 50).

Как видно, нельзя было даже мечтать об открытом выступлении против человека, который очистил морские пути от пиратов и открыл новые источники богатства на Востоке. Настроение комиций, которым оптиматы с большим трудом овладели в конце 66 г., в 65 и 64 гг., с каждым днем все больше изменялось в пользу популяров. Немалую

¹ В порядке обсуждения.

² ВДИ, 1947, № 3, стр. 137.

³ Таково господствующее мнение со времен Моммзена. Из новых буржуазных ученых его особенно усердно защищает Чиачери (C i a c e r i, Cicero e i suoi tempi, стр. 192).

роль сыграли в этом известия о победах Помпея¹. Оптиматам казалось несомненным, что Помпей сразу после возвращения в Италию установит там режим военной диктатуры². Перед лицом такой опасности заглохли все мелкие противоречия отдельных *factiones*, все группировки оптиматов сплотились в одно целое, личные интересы перестали иметь какое-либо значение; словом, создалась ситуация, вроде той, о которой в 50-х гг. с удивлением писал Цицерону Целий Руф: «Все рассматривают положение с точки зрения партийных интересов. Лишь немногие предпочитают интересы дружбы»³.

Основной трагизм положения оптиматов состоял в том, что, с одной стороны, они должны были всеми силами готовиться к схватке с Помпеем, с другой стороны, им надо было самым тщательным образом скрывать малейшую враждебность против Помпея. Цензоры 64 г., готовясь исключить из сената всех помпеянцев (*D i o*, XXXVII, 9), были вынуждены осыпать самого Помпея всевозможными почестями. Если кто-либо собирался провести явно враждебного Помпею кандидата, он все же должен был рекомендовать его как человека, избранием которого можно угодить Помпею, или, по крайней мере, должен был уверить избирателей, что Помпей не возражал бы против такой кандидатуры (*Q. C i c.*, *De pet. cons.*, 51), ибо «никого римляне так не любили, как Гнея Помпея» (*P l u t.*, *Роmр.*, 1). В этом смысле положение оптиматов становилось с каждым днем все затруднительнее: чем успешнее шли дела Помпея на Востоке, тем более опасным становился он для оптиматов. По мере приближения конца военных действий следовало поторопиться с контрмерами. Однако, с другой стороны, каждое новое известие о победе все выше поднимало престиж Помпея в глазах плебса и жаждущего экспансии всадничества и таким образом принуждало оптиматов еще тщательнее скрывать свои антипомпеянские намерения и действия.

Об этом обстоятельстве не следует забывать; иначе невозможно понять подлинный характер политической борьбы в Риме в конце 60-гг. Тактика оптиматов вынужденно должна была принять характер политической маскировки; так как нелегально было открыто бороться против настоящего главного врага, надо было искать всяких подставных лиц и направить на них такие удары, которые вместе с тем заделали бы и самого Помпея. Я считаю, что в этой особенности ситуации конца 60-х гг. следует искать причину таинственности и противоречивости событий 66—63 гг.

Это положение вещей ставило перед оптиматами почти что неразрешимые задачи и навязывало им целый ряд особых тактических принципов. Всеми силами надо было дискредитировать идею диктатуры; шаг за шагом, остерегаясь открытых выступлений против Помпея, надо было отколоть от популяров наиболее влиятельные слои всадничества и городского плебса и хотя бы на время сплотить их опять вокруг сената; словом, исходя из действительно существовавшего в 66—65 гг. положения, надо было ночь превратить в день. Одно было ясно: в 70-е и 60-е гг. политическая зрелость плебса и самосознание состоятельных италиков прогрессировали настолько, что нельзя было рассчитывать на какой-либо успех открытого выступления под лозунгами оптиматов.

¹ О колебаниях настроений в комициях 60-х гг. лучше всего можно судить по истории законодательства против предвыборного подкупа (*ambitio*). Партия, располагающая большинством, как правило, являлась инициатором более строгого закона против подкупа. Так поступил Ацилий, помпеянский консул 67 г., чтобы предотвратить завоевание большинства оптиматами; точно так же в аналогичных условиях действовали оптиматы в 64 г. (см. *Ascon.*, ed. *Kiesling et Schöll*, стр. 83).

² Об этих настроениях говорит и Веллей Патеркул (II, 40, 2) и Плутарх (*Роmр.*, 43).

³ Эта ситуация сказалась, например, при разборе судебного дела помпеянца Корнелия. При первом разборе дела в 66 г. его личные друзья, но политические противники, как М. Лепид и др., дали свидетельские показания в его пользу. При вторичном разборе в 65 г., когда положение значительно обострилось, те же личные друзья во главе с Лепидом давали резкие показания против Корнелия. Ср. *Ascon.*, 59—60.

Для осуществления указанных выше задач не был пригоден ни один из традиционных политиков-оптиматов. Пришел момент, когда оптиматы больше всего нуждались в таком политике, который, с одной стороны, имел бы репутацию помпейнца и пользовался авторитетом у всадничества, а с другой стороны, на самом деле находился бы в полной зависимости от оптиматов. Но где искать такого? ¹

Среди более молодых римских политиков был один, который с давних времен считал себя представителем в с е г о всадничества (*C i s.*, *Pro lege Manilia*, 4), который неугомонно утверждал, что именно он призван защитить интересы этого сословия (*C i s.*, *Pro Rab. Post.*, 15). Это был Марк Туллий Цицерон, который в середине 60-х гг. мог твердо рассчитывать на поддержку, по крайней мере, римского городского всадничества (*Q. C i s.*, *De pet. cons.*, 3). Выступления Цицерона создали ему репутацию друга и сторонника Помпея (*De pet. cons.*, 51). Однако в 66 г. эта репутация была лишена реального основания. Уже в 67 г. Цицерон добился должности претора на 66 г. не при поддержке популяров и Помпея, а, наоборот, с помощью их ярого противника — Л. Домиция Агенобарба, который пустил в ход всю систему своих личных связей, чтобы провести Цицерона на выборах (*Att.*, I, 1, 3). Не взирая на то, что Цицерон впоследствии еще несколько раз был вынужден действовать согласно своей репутации помпейнца, мы все же в состоянии судить о его действительных настроениях в 66 г. Своим выступлением в защиту Авла Клуенция в 66 г. Цицерон намеренно вычеркнул большую часть своего прошлого и своих прежних взглядов. Мы имеем полное основание верить, что соответствующие места из речи за Клуенция отражают истинные взгляды Цицерона, ибо, как увидим дальше, их нельзя считать попыткой списывать благоволение судей. Цицерон открыто заявляет, что совершенно удовлетворен обращением нобилитета к «новым людям» — *homines novi* (*C i s.*, *Pro Cluentio*, 111; ср. *Verr.*, II, 3, 1—4). Выступая перед судом всадников и сенаторов, который был создан в 70 г. из-за ненависти народа к судилищам сената, Цицерон, рискуя рассердить большинство судей, называет эту ненависть — и всю агитацию 70 г. — необоснованной завистью (*falsa invidia*) (там же, 61). Самым диничным образом Цицерон отрывается от всего своего прошлого, заявляя, что его речь против Верреса является лишь адвокатским трюком и что совершенно напрасно в этой речи искать его истинных взглядов (там же, 139; 140).

Речь Цицерона за Клуенция замечательна не только такими мыслями оптимата чистой воды. Она нас интересует как первое произведение, в котором Цицерон проводит строгую — в реальной жизни несуществующую — грань между Помпеем и остальными руководителями популяров. Он не видит или же не желает видеть всех тех нитей, которые с середины 70-х гг. связывают Помпея и так называемых *turbulenti tribuni* (шумных трибунов). Со жгучей ненавистью Цицерон говорит о популярах-помпейнцах 74—73 гг.; к этому присоединяются резкие замечания по адресу *vis conitionum* 66 г., причем автор, очевидно, забывает, что это настоящая *vis Pompeiana* ². Впервые здесь же встречаются открытые выпады против Гая Гракха и более скрытые выпады против идеализировавшегося им ранее Г. Мария, а также похвалы по адресу противников Гракха и Мария (*Pro Cluentio*, 95). Все это не мешает Цицерону высказывать обычные комплименты по адресу Помпея, который, таким образом, совершенно произвольно отрывается от всей остальной партии популяров и противопоставляется ей.

¹ Я отнюдь не думаю, что такое лицо могло бы творить чудеса. При отсутствии предположек сближения хотя бы одной части всадничества с оптиматами даже самый ловкий политический двурушник был бы бессылен. Однако нельзя отрицать, что наличие такого человека значительно облегчало задачи оптиматов.

² О связях между Помпеем и вождями популяров 70-х гг. — см. *S a l l.*, *Hist.*, III, 82, 21; IV, 87; V, 11; *P l u t.*, *Luc.*, 33; *V a l. M a x.*, 3, 8, 3. Связь и тождественность интересов между вождями популяров середины 60-х гг. и Помпеем, сколько мне известно, никем не оспаривается, хотя почему-то часто принято игнорировать эту связь в изложении событий.

Еще рельефнее станет эта картина подлинных взглядов Цицерона в 66 г., если учесть его поведение на процессе помпеянца и популяра Лидивия Макра, где Цицерон, будучи председателем суда, вынес обвинительный приговор вопреки своему убеждению. При этом он в письме Аттику цинически объясняет свое поведение тем, что хотел завоевать расположение публики (оптиматов) (Att., I, 4, 2). И этому нечего удивляться — ведь для Цицерона приближалось время соискания высшей республиканской магистратуры, и ему, следовательно, надо было тщательно взвесить, что он может приобрести каждым своим поступком.

Из поступков Цицерона, описанных выше, можно сделать следующие выводы: к этому времени он уже стоит на политических позициях оптиматов, что не мешает ему, однако, попрежнему выдавать себя за защитника в с е г о всадничества, провинций и суверенитета римского народа. Выступая на деле против всех тех, которые в прошлом или настоящем являлись защитниками интересов Помпея, Цицерон не перестает считать себя помпеянцем. Другими словами: его личное поведение в 66 г. полностью совпадает с единственно возможным осуществлением тех задач, которые стояли перед оптиматами в целом.

Как объяснить эту эволюцию во взглядах Цицерона? Никто так четко и наглядно не сформулировал внутренний трагизм и внутреннюю противоречивость всей карьеры Цицерона, как он сам одним мимоходным замечанием, глубину которого он сам наивно и не сознавал.

В 49 г., после взятия Рима Цезарем, богатые муниципалы со всех концов Италии съезжались в Рим, чтобы на глазах униженного нобилитета отпраздновать победу Цезаря, в которой они видели свою победу. Цицерон только что вернулся из провинции и вместе со своими ликторами находился в окрестности города в ожидании триумфа. И, как в момент начала гражданской войны Цицерон не знал, кому дать предпочтение — своему муниципальному происхождению или своему прошлому — прошлому политика-оптимата, точно так же и здесь при виде этой «весны муниципалов» он писал об их победоносном потоке: «И я был бы в их числе, если бы не имел этих весьма неприятных ликторов (quo ego in numero essem, si hos lictores molestissimos non haberem) (Att., VIII, 1, 3).

Буржуазная историография, особенно ее либеральное направление, всегда видела в новом человеке Цицероне какого-то рода борца за эмансипацию «третьего сословия». В противовес этой антинаучной модернизации необходимо привести правильное, точное определение понятий homo novus и novitas. Homo novus не является не-аристократом в противоположность аристократу. Это лишь аристократ, который первый в своем семействе добился такого положения. Novitas, следовательно, является серединой, переходом и границей между ignobilitas и nobilitas. Цицерон выступал против сословных предрассудков нобилитета лишь до тех пор, пока нобилитет не желал принять его в свои ряды. Цицерон всегда говорил о том, что его миссией является представительство интересов всего всадничества в сенате; на самом же деле он в лучшем случае сумел добиться соглашения между нобилитетом и меньшинством всадничества — публиканами и римскими городскими финансистами, которые и так были тесно связаны с сенатом. Основная масса всадников в Италии и в городах провинций, которая относилась крайне враждебно к господству сената, к принципу неограниченного господства одного полуса и нобилитета над всей империей, не могла быть представлена в этом сенате; Цицерон напрасно старался примирить противоположности, «единственным примирением которых могло быть только их уничтожение»¹.

В конкретных политических условиях 60-х гг., когда никакая concordia ordinum не была в состоянии на продолжительный срок примирить нобилитет с большинством всадников империи и Италии, Цицерон — практический политик — становился трагической, а порой и смешной фигурой, человеком, который действительно не мог решиться — пойти ли в Рим с ликующими муниципалами, или остаться за городом вместе со своими ликторами.

¹ Меткое выражение К. Маркса в «18 Брюмера Луи Бонапарта».

Однако в тот момент, когда оптиматы были заинтересованы в том, чтобы хотя бы на некоторое время перетянуть на свою сторону состоятельные слои Рима и Италии, утопии Цицерона приобрели для них огромное демагогическое значение и объективно должны были способствовать разрешению политического кризиса нобилитета второй половины 60-х гг.

Было бы неправильно думать, что нобилитет сразу принял Цицерона с распростертыми объятиями. Большая часть оптиматов все еще ненавидела его за его выступления в пользу Помпея (Сomm. pet., 14). Когда Ц и ц е р о н окончательно задумал выставить свою кандидатуру в консулы, он писал Аттику: «Считают, что нобили будут нашими противниками» (Att., I, 2, 2). Лишь немногие оптиматы были достаточно дальновзорки, чтобы сразу же понять, какие услуги Цицерон мог оказать делу их партий. Ведь как раз в то время, когда Цицерон искал приближения к оптиматам, всаднические круги метрополии стали выказывать все более заметную тенденцию отойти от руководителей популяров и сблизиться с сенатом. Объясняется это тем, что внешний облик партии городских популяров в последние годы стал особенно подозрительным для состоятельных слоев города. Борьба за законы Габиния и Манилия привела к тому, что руководители популяров должны были вести все более и более рискованную политику, играя на социальном недовольстве плебейской массы; не будучи в состоянии иным образом обеспечить продолжение последовательной экспансии, вожди популяров заговорили о радикальных изменениях в избирательном праве (A s o n, Praef. Cornel.), словом, городские популяры стали в некоторой степени угрожать общественному спокойствию. Гарантия неприкосновенности морских путей сообщения и продолжения экспансии — единственные пункты программы популяров, которые могли интересовать публиканов и ростовщиков, — были в основном выполнены. Оставался облик партии городской черни, который отпугивал прежних сторонников популяров из лагеря городских богатей. Поэтому не удивительно, что Цицерон, отражая эти настроения, никогда даже и не пытался стать консулом с помощью Красса и Цезаря, а прямо связался с оптиматами. В 65 г. Цицерон впервые открыто выступает в защиту внешней политики оптиматов: он произносит речь за сохранение на престоле египетского царя Птолемея¹.

Вожди оптиматов поняли преимущества кандидатуры Цицерона. В его лице они приобрели кандидата, который, будучи оптиматом и защитником сулланской конституции, все же мог обозвать противников позорящим именем *homines Sullani*, т. е., опираясь на свои заслуги в борьбе с сулланскими проскрипторами, сумел бы разоблачить сулланское прошлое теверешних популярных деятелей². Это был кандидат оптиматов, который имел репутацию искреннего друга провинциалов и поэтому мог бы даже попытаться отвоевать у популяров их самых верных сторонников — высшие слои провинций; Цицерон, наконец, мог бы служить живой рекламой и подтверждением того, что Рим не является замкнутой аристократической олигархией³. Человек, в котором нуждались оптиматы в своем отчаянном положении, был найден; впервые за существование республики homo novus был единственным кандидатом оптиматов, и никакие сословные предрассудки не могли этому помешать. Асиний Поллион был прав, когда он с иронией писал: «*Nam felicissima Ciceroni consulatus sors gerendi et petendi*»⁴.

Внутри Цицерон отрекся от Помпея уже в июле 65 г.⁵ В конце 65 или в начале 64 г. он предпринял решающую предвыборную поездку к самому яркому противнику Помпея — к оптимату Кальпурнию Пизону, наместнику цизальпинской Галлии (Att., I, 2). В период соискания консульства Лициний Лукулл становится его другом

¹ (De rege Alex., frg. VIII—IX).

² Q. C i c., De pet. cons., 9, 10 и др.; Or. in toga cand.

³ C i c., De lege agr., I, 9, 27; II, 1, 3.

⁴ S e n., Rhet. Contr. VII.

⁵ Письмо Аттику: Nega me ei [Pompeio] iratum fore, si ad mea comitia non venerit (Att., I, 1, 2).

и советником¹. Если Квинт Цицерон во второй половине 65 г. еще представляет себе своего брата в роли стоящего над партиями кандидата, то Марк Цицерон в 64 г., накануне выборов, прямо рекомендует себя сенату как будущий консул оптиматов. И в первые же дни своего консульства Цицерон приступает к осуществлению своей основной задачи: проводить враждебную Помпею и популярам политику под маской доброжелательных отношений к Помпею и с помощью популярных фраз. Вот сущность его выступлений против аграрного законопроекта народного трибуна Сервилия Рулла.

Никто не отрицает, что Красс и Цезарь были действительными авторами и инициаторами законопроекта Рулла. Мы попытаемся лишь подвергнуть критическому анализу характер и направленность этого проекта, каким его изображает единственный подробный источник — выступления Цицерона.

Аграрный законопроект Сервилия Рулла на самом деле был самой сложной и искусной аграрной схемой античного Рима. От аграрных законопроектов Гракхов он отличался, во-первых, тем, что в основном не затрагивал существовавших имущественных отношений и не предлагал никаких конфискации для раздела земли: землю для новых наделов проект предлагал скупить по обычным ценам свободного рынка². Такой проект мог быть выдвинут уже только новой партией популярных, которая возникла после смерти Суллы и во главе которой стояли такие лица, как Красс, Цезарь, Помпей.

Однако, чтобы понять социально-экономическую сущность проекта, надо коснуться другого вопроса. Следует отметить, что интересы городских публиканов далеко не совпадали с интересами тех всадников, которые постепенно перебирались на местожительство в провинциальные центры, и даже не совпадали с интересами большинства всадников — италийских рабовладельцев. Законопроект Сервилия в известном смысле продолжал линию, начатую крупным аграрным законом конца II в.³ Он отменял последний *vestigal* в самой Италии (*Cic., De lege agr., I, 7, 20*), и предполагал неограниченную продажу всего провинциального *ager publicus* частным покупателям. Деньги, вырученные от продажи провинциального *ager publicus*, должны были быть истрачены на скупку земель частных лиц в Италии по свободным ценам, а эту землю предполагалось распределить среди колонистов. Отменяя последний *vestigal* в Италии, законопроект таким образом чувствительно задевал интересы той части всадничества, которая жила от финансовой эксплуатации политических привилегий Рима, т. е. публиканов. Эти интересы оказались задетыми также тем, согласно проекту, налоги с приобретенных и организованных Помпеем провинций определялись точными суммами, а не процентами урожая и пр.; к тому же право взимания и использования этих сумм предоставлялось специальной комиссии десяти и таким образом выделялось из компетенции чиновников сената, тесно связанных с обществами публиканов (*Cic., De lege agr., I, 2*).

С другой стороны, проект был прямо в интересах тех всадников, которые перенесли центр тяжести своей экономической деятельности из Рима в провинции и наживались на эксплуатации своего имущества, а не своих политических привилегий; проект был также в интересах рабовладельцев-провинциалов. Все эти лица могли теперь сравнительно дешево приобрести огромные земельные участки. Если учесть, что цены на рабов в провинциях были гораздо ниже, чем в самой Италии, если дальше учесть, что производительность Италии все более падала, в то время как росла производительность провинций, и что все желавшие извлечь прибыль из нормальной экономической рабовладельческой деятельности, а не из прямого грабежа, постепенно переезжали в провинции, — тогда становится ясным основной характер проекта. Прямую пользу из него должны были извлечь все те рабовладельцы и землевладельцы, та часть всадничества, которая стояла за враждебную политику по

¹ *Cic., Acad. pr., II, 1, 3.*

² Уже солдаты Метелла Пия в 70 году не получили земли потому, что у государства не было средств на покупку этих земель — *Dio, XXXVIII, 5, 1.*

³ *JLA, № 200.*

отношению к сенату и к оптиматам, за наиболее активную политику экспансии, люди, которые чаще всего находили общий язык с состоятельными слоями провинций, — словом, все те лица, которых руководители популяров во главе с Помпеем считали своим самым надежным оплотом. Это был проект в интересах людей, которые желали дорого продать свою земельную собственность в Италии, чтобы за эти деньги дешево приобрести плодородную землю в провинциях, с лучшими возможностями эксплуатации.

С другой стороны, ни для кого не являлось секретом, что эти господа собирались продать именно самые неплодородные земли в Италии, расположенные к тому еще в районах, вредных для здоровья (C i s., De lege agr., 1, 5, 15). Уже Катон Старший учил, что такого рода земля непригодна для использования рабского труда. Такую землю следовало, по его указанию, обрабатывать силами свободных¹. Это была единственная возможность повышения рентабельности таких земель. Опыт последних десятилетий на примере сулланских ветеранов наглядно доказал, что участь свободных поселенцев — мелких собственников была как бы предрешена: рано или поздно они попадали в зависимость от соседнего крупного землевладельца или же ростовщиков и становились зависимыми арендаторами. Законодатели могли быть спокойны: они пока устраивали и успокаивали ветеранов войны, хорошо зарабатывали на продаже плохих земель и в конечном итоге могли быть уверены, что земля ветеранов, вместе с новыми собственниками, вернется обратно к старым хозяевам. Таков объективный социально-экономический смысл законопроекта, вытекающий из тех положений проекта, которые передает Цицерон.

Цицерон, однако, дает также самые обширные комментарии к этим положениям. Закон, по его утверждению, направлен против всего всаднического сословия в целом (в то время как на самом деле он затрагивал интересы только публиканов и, наоборот, отвечал интересам почти всего остального всадничества). Это часто встречающийся у Цицерона прием — подменять одними публиканами все всадническое сословие, но это же одновременно и излюбленный прием агитации оптиматов. Основным приемом дискредитации проекта и вождей популяров является попытка Цицерона изобразить весь законопроект как заговор против Помпея (C i s., De lege agr., II, 19, 50).

Цицерон уверяет аудиторию, что он вынужден выступить против проекта, ибо считает главной задачей своего консульства защиту интересов отсутствующего Помпея (C i s., De lege agr., II, 19, 49).

Цицерон в этом выступлении классически выполняет основные задачи, возложенные на него тяжелым положением его партии: он пытается оторвать всадничество от популяров и создать миф о враждебности вождей популяров в Риме к Помпею. Этой трактовке событий у Цицерона безоговорочно поверили все современные историки. Более критическая оценка Цицерона, как источника, является одной из побочных задач настоящей работы.

Остановимся теперь на всех тех положениях, которыми Цицерон доказывает враждебность законопроекта по отношению к Помпею. Речь идет сперва об огромной власти, которая должна быть предоставлена децемвирам — исполнительной комиссии. Цицерон изображает эту комиссию как настоящую руководительницу военных действий против Помпея. Удивительно только то, что сам Цицерон вынужден признать, что децемвирам давались все права — кроме права вербования войска! Трудно понять, какое значение имели все остальные прерогативы власти против 100 000-ной армии Помпея!

Дальнейшим антипомпеянским положением проекта Цицерон считает предписание, что в число децемвиров могут быть избраны только присутствующие в Риме лица. Этим a priori исключается кандидатура Помпея (De lege agr., I, 9, 23, 24). На деле у Помпея в Риме было достаточно соратников, друзей, клиентов, так что это постано-

¹ Ср. жалобу бывших владельцев-ветеранов у Саллюстия, *Coni. Cat.*, XXIII.

вление его ничуть не задевало. В действительности проект исключил кандидатуры таких людей, как Л. Лукулл, Метелл Критский, Марций Рекс¹, Г. Пизон, — всех злейших врагов Помпея. Эти лица находились около стен города, но считались отсутствующими в Риме, ибо ожидали разрешения на триумфальный въезд, которого они не могли получить из-за сопротивления сенаторов-помпейцев (*Coni. Catil.*, XXX); отказываться от триумфа им не позволяла столетняя традиция и столетние предрассудки. Соответствующее предложение проекта обезвредило таким образом как раз этих наиболее подходящих кандидатов партии оптиматов.

Далее Цицерон с пафосом восклицает, будто бы децемвиры собираются продать военную добычу Помпея у него на глазах еще до окончания войны (*A. Gell.*, NA, XIII, 25,6). Но это лишь риторический оборот. Дальше из текста ясно видно, что закон действительно призывал всех бывших полководцев поименно: Л. Лукулла, М. Лукулла, наследников Суллы, Метелла Критского, Марция Рекса, ярых оптиматов — выдать всю военную добычу государству в лице комиссии децемвиров, с оговоркой, что данное постановление не относится к Помпею (*De lege agr.*, I, 4, 12, 13). Факты — упрямая вещь, и Цицерон напрасно старается обойти этот факт софизмом: это исключение — не благодеяние для Помпея, но только освобождение от обиды.

Нисколько не убедительнее звучит следующий аргумент Цицерона: «Законопроект предписывает, чтобы децемвиры пользовались теми деньгами, которые будут получены после нас, консулов, из новых доходов. Разве мы не понимаем, что речь идет о продаже тех доходов, которые обеспечил Гней Помпей?» (там же). Но как раз этот параграф, якобы направленный против Помпея, помогает раскрыть подлинную сущность законопроекта. Надо только уяснить себе, какое государственно-правовое значение приобрело бы немедленное хозяйничанье децемвиров в новых провинциях, взыскание новых налогов кем-либо до конца войны. Ц и д е р о н называет такое предложение кровной обидой для Помпея (*De lege agr.*, I, 5, 16; 6, 17). На деле Помпей был кровно заинтересован в том, чтобы лишить сенат права распорядиться новыми территориями и подвергать обсуждению его собственные «восточные указы». Будущее показало, что он был прав. Когда, после провала законопроекта Рулла, дело в конце концов все же поступило в сенат, тот оказал ожесточенное сопротивление и отказался утвердить распоряжения Помпея об обосновании новых провинций и пр.; в 61 г. распределение провинций среди преторов затянулось потому, что таким распределением сенат боялся косвенным образом признать те политические изменения, которые были произведены Помпеем на Востоке. Помпей избежал бы этой действительно враждебной ему волокиты, если бы в 63 г. децемвирам было предоставлено право распорядиться налогами в новых провинциях. Это означало бы формальное признание восточных распоряжений Помпея. Все дело, таким образом, раз навсегда было бы изъято из компетенции сената.

Сенат не только сопротивлялся утверждению акта Помпея, он долго и упорно отказывался также обсудить закон о предоставлении земли его ветеранам. Соответствующий проект — *lex Flavia agraria*, представленный на обсуждение между 10 декабря 61 г. и 20 января 60 г., сенаторы просто провалили. Наконец, в 59 г. сенат издал совершенно неудовлетворительный декрет, так что Цезарю пришлось специальным законом — *lex Julia agraria* — урегулировать этот вопрос². Всего этого можно было также избежать, если бы в 63 г. была учреждена комиссия децемвиров, согласно законопроекту Сервилия Рулла. Цицерон так и называет законопроект Рулла — проектом основания колоний для солдат-ветеранов (*De lege agr.*, I, 5, 16; 6, 17). Безразличие и враждебность, с которой городской плебс встретил этот проект, лишний раз подтверждает, для кого была предназначена эта земля. Цицерон говорит о таком количестве солдат-колонистов, которым можно будет наполнить всю

¹ См. *Fasti Triumphales Pop. Romani*, ed. Pais, т. I, комментарий к триумфальным надписям 60-х гг.

² *Plut.*, Помп., 47; *Dio*, XXXVI, 48 сл.; XXXVIII, 5; ср. комментарии к триумфальным надписям 50-х гг.

Италию (там же). Спрашивается, что это за солдаты? Мы знаем, что Марций Рёке и Л. Лукулл привезли с собой ничтожное количество солдат¹; кроме того трудно предполагать, что популяры желали обеспечить земель как раз остатки этих армий. Волей-неволей приходится согласиться, что, если *lex Servilia* был проектом колонизации для ветеранов, — а в этом нет основания сомневаться — то этот проект был задуман для солдат Помпея. Но если это так, то ясно, с какой охотой Помпей в 63 г. авансом и без затруднений получил бы то, чего ему впоследствии пришлось добиваться у сената в течение двух с половиной лет.

К такому же заключению придем мы, если сравним отдельные положения проекта Рулла с отдельными параграфами *lex Flavia* (60) и *lex Julia* (59), т. е. законов, помпеянский характер которых никто не станет оспаривать. Как *lex Servilia*, так и *lex Flavia* оба предусматривают скупку земель в Италии за счет нового *vestigal*². Оба проекта предписывают раздел земли волотерранцев и арретинцев³; *Lex Servilia* и точно так же *lex Julia* отменяют последний налог на землю в Италии; оба требуют раздела *ager Campanus* и *ager Stellatum*. Дополнительным мотивом *lex Servilia* и *lex Flavia* являлось желание таких людей, как Красс, избавиться от «ненавистой собственности» (*invidiae possessiones*), приобретенной во время сулланских проскрипций⁴. К тому же надо учесть, что аграрный проект Флавия был представлен по настоянию Помпея при таких же условиях, как *lex Servilia*, т. е. при энергичном сопротивлении сената всем попыткам утвердить восточные распоряжения Помпея, и что *lex Flavia* также полагает обойти сенат назначением комиссии и также распоряжается о скупке земель в Италии на суммы, полученные от продажи участков из *ager publicus* в провинциях и налогов из новых областей. Таким образом, попытки изобразить *lex Servilia* как «антипомпеянскую махинацию» совершенно несостоятельны.

В пользу пропомпеянских тенденций законопроекта Рулла говорит и еще одно наблюдение: проект Рулла, как известно, предписывал распродажу всего провинциального *ager publicus* частным лицам; при этом он допускал одно лишь исключение: *ager publicus*, который находился во владении царя Нумидии Гиемпсала II, должен был попрежнему остаться у него и продаже не подлежал⁵. Однако исключение для одного лишь Гиемпсала — показатель самого чуткого отношения инициаторов законопроекта к Помпею; ведь Гиемпсал II к тому времени был самым старым, влиятельным и верным клиентом Помпея⁶. При выработке законопроекта Рулла инициаторы в Риме общались с личным представителем Гиемпсала — с его сыном Юбой, также ревностным сторонником Помпея, сохранившим ему верность до самой смерти. Стало быть, даже в таких мелочах, даже в допущенных в нем исключениях и оговорках, сказывается подлинный характер помпеянского проекта Рулла.

Как было показано выше, социально-экономические черты проекта Рулла отвечали интересам популяров, и (что весьма знаменательно) этот проект предвосхищал во многом аграрное законодательство Августа. Таким образом, законопроект отвечал интересам той части рабовладельцев, которая поддерживала идею военной диктатуры и претендентов на ее осуществление: Помпея, Цезаря, Августа.

Все три группы популяров — «шумные трибуны» вроде Рулла, Красс и Цезарь в Риме и Помпей со своими соратниками на Востоке — все действуют сообща и в полном согласии, несмотря на то, что Цицерон не жалеет ни красноречия, ни злословия, чтобы изображать их перед слушателями как врагов. На деле Цицерон является врагом их всех, оптиматом, который своими выступлениями против проекта Рулла мастерски приспособляется ко всем требованиям момента.

¹ App., BM, 90; Phlegon Trall. y Müller, FHG, II, 606, frg. 17.

² Att., I, 19,4.

³ Att., I, 19,4 и Fam., XIII, 4.

⁴ Att., I, 19, 4; De lege agr., I, 5, 15.

⁵ De lege agr., I, 21, 56; 22, 59.

⁶ См. Gsell, Hist. de l'Afrique Romaine, II, стр. 281, 287.

Если же он называет себя «настоящим популяром», современный читатель невольно вспоминает поговорку о том, что противоположностью «настоящего друга народа» является просто друг народа.

Если согласиться с такой интерпретацией поведения Цицерона в начале 63 г., то его дальнейшее поведение в этом самом таинственном и запутанном году республиканской истории также представляется в несколько ином аспекте.

П. Б. Гурвич